

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ДЛЯ СЕМЬИ ВЫПУСКНИКА ТАМБОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ПРОТОИЕРЕЯ МИХАИЛА МОЛЧАНОВА (1860–1920)

В.Д. Орлова

преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье изложена драматическая история семьи окончившего в 1886 году Тамбовскую духовную семинарию протоиерея Михаила Молчанова, убитого красноармейцем в дни крестьянской войны в Тамбовской губернии («Антоновщины») в 1920 году. Семьи коснулись репрессии начала 1920-х, конца 1920-х и 1937 года. Кроме отца, были расстреляны по политическим мотивам оба сына и муж старшей дочери. Остальные члены семьи были вынуждены очень долго скрывать свое происхождение и родственные связи.

Ключевые слова: Тамбов, Каменка, «Антоновщина», репрессии, быт духовенства, семья, память.

Гонения на верующих и духовенство начались сразу же после прихода к власти большевиков. Многие верующие и духовенство в первые годы советской власти пали жертвами безбожников. Суд совершался по «революционной совести», без следствия и протокола. Даже факт смерти тамбовских новомучеников 1918–1922 годов не всегда удастся подтвердить документами. Шла кровавая гражданская война. Метрические книги уже были изъяты у Церкви, а документы в сельсоветах велись от случая к случаю. В 1990-е годы, когда началась реабилитация пострадавшего от тоталитарной власти священства, уже не было в живых и очевидцев их гибели. Юридически этих людей невозможно реабилитировать, так как их ни в чем официально не обвинили и не вынесли приговор. Но справедливость требует обнародовать хотя бы немногие дошедшие до нас имена.

Протоиерей Михаил Михайлович Молчанов – настоятель храма Казанской Божией Матери в селе Каменка Тамбовского уезда, по-

мощник отца благочинного, пал одной из жертв красных в начале крестьянской войны, известной под названием «Антоновщина». Автору этой статьи он приходился прадедушкой по отцовской линии. Некоторые документы о его дореволюционном служении есть в государственном архиве Тамбовской области¹. Детали домашнего быта и родственные связи воспроизведены автором по многократным рассказам трех его дочерей, снохи, старшей внучки и старшего внука. Даты жизни родственников были записаны его младшей дочерью Верой в 1988 году, поэтому в них возможны неточности, так как ей было уже 88 лет. Об обстоятельствах гибели протоиерея Михаила Молчанова его дочери, тогда отсутствовавшие в Каменке, знали со слов матери, которая была очевидцем убийства мужа, а также со слов односельчанок. Так как эти рассказы бабушек внучке на протяжении многих лет не претерпевали никаких изменений, то, бесспорно, в их основе лежала подлинная информация. Последний раз Вера Михайловна Молчанова-Орлова, младшая дочь погибшего, рассказывала о трагической гибели отца за несколько месяцев до своей смерти в 1989 году. Она делала это осознанно, так как уже собиралась умирать и очень хотела, чтобы в памяти внучки остался ее любимый папа. Тогда же она надписала имена и родство на старинных фотографиях, которые хранила². В 1990-е годы, когда стало возможно обнародовать материалы из семейного архива, в селе Каменка уже не было в живых свидетелей гибели священника.

Материальными источниками о жизни семьи протоиерея у потомков остались некоторые мелкие вещи и много фотографий. Из страха за себя и детей все три дочери уничтожили снимки, на которых отец был в облачении. Самая смелая из них, средняя Лариса, у одной из фотографий еще молодого отца-священника обрезала одежду, а лицо оставила на маленьком овале. Но длинные волосы все равно выдавали духовное сословие. Тогда эту карточку она спрятала в рамку с фотографиями своей семьи за портретом сына. Перед смертью сказала о своей тайне младшей сестре Вере. Та со временем забыла, в какой же рамке спрятан

¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1808. Л. 310, Д. 2080. Л. 4–7; Ф. 46. Оп. 78. Д. 304. Л. 334–335.

² Орлова В.Д. Крестный путь семьи протоиерея Михаила Михайловича Молчанова (1860–1920) // ТЕВ. 2013. № 6. С. 38–44.

портрет отца. Прощаясь с внучкой (автором статьи) в последний день своей жизни, Вера Михайловна просила ее найти, хоть когда-нибудь, карточку прадеда. Фотография случайно нашлась только в 2001 году.

Молчановы служили в Русской Православной Церкви с XVIII века. Отец Михаила Михайловича Михаил Павлович Молчанов (1823–1896), сын дьякона, окончил Тамбовскую духовную семинарию по второму разряду и получил приход в 1843 году³. В «Ведомости о состоянии церквей» за 1892 год благочинный четвертого Сампурского благочиннического округа записал: «Священник церкви Казанской Божией Матери в селе Каменка в год читает 2 проповеди своего сочинения. Поведения весьма хорошего. Имеет камилавку и наперсный крест. Не судим»⁴. Он был похоронен в Каменке в церковной ограде. На его могиле сын установил чугунный ажурный крест и металлическую ограду, что для сельского кладбища было редкостью.

Михаил Михайлович Молчанов (1860–1920) окончил Тамбовскую духовную семинарию по второму разряду в 1886 году и был направлен в Архангельскую церковь села Ивановка Липецкого уезда. В том же году он женился на Евгении Васильевне Козловой (1870–1936). 21 сентября 1896 года дьякон Михаил Молчанов был рукоположен во священники. Благочинный четвертого Липецкого Грязинского округа записал о нем: «Читает три проповеди собственного сочинения в год и поведения весьма хорошего. Не судим»⁵. Дочери характеризовали своего отца как глубоко верующего и чтущего церковный устав: он непременно читал все священнические молитвы, обстоятельно готовился к проповедям. На всех службах присутствовала и его матушка с детьми. В семье строго соблюдались посты.

В 1896 году Михаил Михайлович был переведен в приход села Каменка Тамбовского уезда и сменил отца в качестве настоятеля Казанской церкви. О дальнейшем беспорочном служении свидетельствует избрание его на должность помощника благочинного четвертого Тамбовского благочиннического округа в 1908⁶ и 1911⁷

³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1808. Л. 48.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 310.

⁶ Там же. Д. 2080. Л. 4 об.

⁷ Там же. Л. 7 об.

годах и пожалование ему чина протоиерея. Священники отец и сын Михаил Павлович и Михаил Михайлович Молчановы заботились о благолепии своего деревянного сельского храма. Кто-то из них организовал в конце XIX века доставку в храм для иконостаса большого образа Казанской Божией Матери афонского письма⁸. Эта икона чудом сохранилась в безбожные времена и ныне украшает новую, возведенную рядом с оскверненной деревянной, Казанскую церковь села Каменка.

Михаил Михайлович болел душой за соблюдение интересов Церкви. В 1911 году он добивался запрета на возведение страховым земским агентом построек всего в 70 саженьях от сельского кладбища⁹. Эти постройки нарушали действовавшие санитарные и противопожарные нормы, а также могли затенить храм, чье благолепие весьма волновало пастыря. На основании доклада отца Михаила Тамбовский архиепископ Кирилл обратился к управляющему Тамбовской губернией Н.Ю. Шильдер-Шульднеру с просьбой запретить это строительство¹⁰.

У протоиерея было очень много крестников среди крестьянских ребятишек. Обходя приход в праздники и будни, он не забывал порадовать их яблочком из своего сада и медком со своей пасеки. А на день Ангела непременно служил молебен и оделял именинников «городскими» подарками (пряниками, баранками, дешевыми конфетками, платочками, ленточками). Родных детей приучал не ревновать к его духовным детям¹¹.

У отца Михаила и матушки Евгении родились одиннадцать детей, но пятеро умерли в младенчестве. Детей они очень любили. На фотографиях даже малыши одеты в нарядные платьица по городской моде. Мать шила им все наряды сама. Покупали только обувь. Девочки в сельскую школу ходили не в платочках, как крестьянки, а в шапочках. У сыновей были покупные деревянные лошадки и солдатики, у дочек – куклы с фарфоровыми головками, игрушечная посуда. Но дети не росли баловнями. Дочери пасли гусей, ухаживали за индюшатами, помогали в огороде и саду, вместе с братьями ловили рыбу, нянчили

⁸ Воспоминания В.М. Орловой (1900–1990). Про проблемы с транспортировкой иконы она знала от отца. Но в старости не была уверена, он или дед привез этот образ.

⁹ ГАТО. Ф. 46. Оп. 78. Д. 304. Л. 334.

¹⁰ Там же. Л. 335.

¹¹ Воспоминания В.М. Орловой (1900–1990) и Л.М. Шмелевой (1893–1977).

младших братишек и сестреноч, пряли, ткали, шили, вязали. Сыновья умели косить, пахать и сеять, ухаживать за скотом, обращаться с лошадьми, разводить пчел. Детям был знаком и строгий голос отца, и, в случаях особого непослушания, отцовская хворостина.

Родители ценили образованность и сумели воспитать сильные характеры у детей. Все здоровые дети учились сначала в земской школе в Каменке, а потом в Тамбове. Два сына окончили первое Тамбовское духовное училище. Старший Николай (1896–1937) собрался пойти по стопам отца, но из Тамбовской духовной семинарии ушел добровольцем на Первую мировую войну. В 1917 году был ранен в живот, чудом выжил в госпитале в Петрограде, затем был отправлен к родителям для дальнейшего лечения. Младший Михаил (1902–1920?) остался без семинарского образования из-за закрытия семинарии в 1918 году.

Три дочери: Елизавета (1889–1977), Лариса (1893–1977) и Вера (1900–1990) – окончили Тамбовское женское епархиальное училище. Больную дочку Александру (1898–1912) мать научила чтению, письму, арифметике и рукоделию. Страдая от костного туберкулеза, горбатая девочка не теряла надежду выздороветь, поэтому усердно молилась и лежа вязала и вышила себе приданое. Но умерла в 14 лет, отдав на прощание свои рукоделия младшей сестре.

Неудачи в учебе детей отец переживал болезненно. Когда в епархиальном училище Вера получила за год «два» по арифметике и переэкзаменовку на осень, родитель без всяких репетиторов так выучил с ней дроби, что она помнила их всю жизнь. Когда дети болели, отец истово молился об их исцелении. О смерти даже почти не живших младенцев долго горевал, волновался за здоровье жены.

Образ жизни сельского священника был скромен и труден. Молчановы построили около храма свой дом с тремя комнатами и русской печью. Зимой печь в степном селе топили соломой и кизьяками. Соломенной была и крыша. Около дома вырастили сад, устроили пасеку. Держали одну корову, одну лошадь, романовских овец, пуховых коз, кур, индюков, гусей. Двор охранял пес Барбоска, а в доме жила подаренная матушке помещицей

Хвощинской комнатная собачка Альфа. В помощь по хозяйству наняли в батраки крестьянскую супружескую пару средних лет. Они стали практически членами семьи. Когда батрак вернулся с Первой мировой после тяжелой контузии и работать уже не мог, ему все равно платили, как до войны.

Дом отца Михаила под соломенной крышей был, своего рода, культурным центром села. В него нередко заходили по разным делам прихожане разных возрастов. Кроме большой божницы и семейных портретов, стены дома украшали репродукции с картин русских художников. Батюшка выписывал газеты, журнал «Нива» с приложениями, детский журнал «Светлячок», приобретал и духовные, и светские книги, завел на пасеке первые в селе рамочные ульи вместо колод. Он был горячим патриотом и умел заражать своим патриотизмом окружающих. О русско-японской войне он рассказывал так эмоционально, что тогда пятилетняя дочь Вера навсегда запомнила его проповедь о подвиге крейсера «Варяг». Старший сын батюшки Николай ушел на фронт Второй Отечественной войны (так тогда называли Первую мировую) не без влияния и с благословения отца.

Матушка Евгения выписывала из Ростова каталоги семян и саженцев, умела прививать яблони, выращивала даже арбузы. Эти каталоги с черно-белыми картинками потом превращались в раскраски для детей. Цветные карандаши для них покупали. Были у детей и переводные картинки. В доме были комнатные растения, в том числе алоэ, арум, монстера. Матушка занималась организацией различных благотворительных сборов, за что даже была награждена оргкомитетом благотворительной лотереи полудюжиной серебряных чайных ложечек.

Духовное образование прививало всем членам семьи любовь к музыке и пению. В доме была фисгармония, на которой играл глава семьи. Жена и дети пели и дома, и на клиросе, и во время работы в саду.

Старшей дочери Лизе собрали скромное приданое и выдали за выпускника Тамбовской духовной семинарии Павла Петровича Дмитриевского (1885–1929), впоследствии протоиерея. Среднюю дочь Ларису без приданого взял богач Дмитрий Васильевич Шмелев (? – 1924), купивший в Сергиевке имение и конный

завод. Он выбрал поповну «за красоту». Она сохранила письмо ее любимого брата Николая к жениху. В нем брат деликатно просил того учесть юность сестры, не спешить, ведь девушка еще даже не вышла из стен епархиального училища¹². Ее обвенчали сразу после выпуска. Родители не могли позволить себе упустить такого жениха.

Младшую дочку-любимицу певунью Верочку оказалось суждено отдать замуж в лихой 1918 год бесприданницей за псаломщика церкви в Каменке Дмитрия Васильевича Орлова (1888–1958), который был на 12 лет старше невесты. Мать подарила дочке свой сундук, одеяло, те самые «наградные ложечки», сшила марлевую фату. Младший брат Миша нарвал цветов. Он же был шафером невесты. Венчать пригласили священника из Ивановки. Тот возил снопы и припозднился. Отец Михаил уже облачился сам, когда приехал приглашенный батюшка. Венчали вдвоем. И оказалось, что именно младшей из сестер выпала и большая любовь, и долгое семейное счастье, и самая длинная из всех сестер и братьев жизнь. Любящему отцу было не суждено радоваться ее счастью. Он едва успел окрестить и понянчить первенца Орловых Митю (отца автора статьи), нежно называя хилого мальчонку «моя Малюся»¹³.

Установление советской власти сначала мало повлияло на сельский приход. Протоиерей Михаил, как и все духовенство, был лишен гражданских прав, но его это мало тревожило. Беспокоила Гражданская война и судьбы сыновей и зятьев. В 1919 году красные мобилизовали лечившегося от раны Николая. Младший сын Михаил еще не подходил им по возрасту.

Летом 1920 года недовольные продразверсткой крестьяне Каменки примкнули к повстанцам. Начались тяжелые времена «Антоновщины». Красные и зеленые то и дело сменяли друг друга в степном селе.

28 августа 1920 года ближе к вечеру в Каменку входил конный отряд красных. Протоиерей Михаил как раз шел из расположенного напротив храма дома к вечерне. Он был в подряснике, с наперсным крестом. Следом за ним бежал гостивший у бабушки с дедушкой шестилетний сын Ларисы Володя. Прислуживавший

¹² Семейный архив В.Д. Орловой.

¹³ Воспоминания В.М. Орловой.

отцу сын Михаил и дьякон уже ждали его в церкви. Матушка Евгения задержалась на крыльце дома. К храму шли прихожанки. Солдаты поравнялись с церковной оградой. Шестидесятилетний священник шел медленно. Вдруг один из красных всадников вскинул винтовку и выстрелил в темневший на фоне светлой стены силуэт попа. Для него это была идеологически правильная хорошая живая мишень. Отец Михаил рухнул замертво. Закричали женщины, из церкви выбежали сын Миша и дьякон. Матушка кинулась к мужу. Пуля попала ему в сердце. От отчаяния восемнадцатилетний сын выразил свои эмоции по адресу солдат. Прихожане разбежались¹⁴.

В осиротевшей семье никто не держал зла на того солдата. Вдова священника и дочери молились за него. Виновата была братоубийственная война и атеистическая пропаганда, затуманившая за три года разум парня. Большевики смогли быстро убедить молодежь в том, что духовенство виновато перед властью уже самим фактом своего существования. Поэтому не требуются никакие иные обвинения в его адрес для вынесения смертного приговора. Понятие «судить по революционной совести» стало привычным в армии. Проявление инициативы в вопросах борьбы с церковью приветствовалось.

После убийства отца Михаила красные ворвались в его дом, устроили обыск и погром, расстреляли висевшие на стенах портреты родных в церковных облачениях, забрали на самокрутки многие книги из домашней библиотеки. Потом увели с собой младшего сына – восемнадцатилетнего Михаила. Главное обвинение в его адрес состояло в том, что он сын попа, «контра»¹⁵.

К страшной трагедии добавилась еще одна, тогда еще не осознанная. Шестилетний внук, видевший убийство деда, от испуга убежал из Каменки. Знавшие семью своего священника прихожанки подобрали обессилевшего малыша в соседней деревне. Позже Володю, пережившего такое потрясение, настиг душевный недуг, от которого он и скончался в 20 лет.

Ночью овдовевшая матушка Евгения облачила мужа, как подобает хоронить священника, и попросила уже не работавших

¹⁴ Воспроизведение рассказов матушки Евгении (1870–1936) ее дочерьми В.М. Орловой, Л.М. Орловой, Е.М. Дмитриевской и внуком Д.Д. Орловым (1919–2008).

¹⁵ Воспоминания В.М. Орловой.

у них бывших батрака и батрачку помочь похоронить. Дьякон прочитал молитвы. Гроба не было, тело обернули холстом. Отца Михаила погребли тайно в ограде церкви рядом с могилами его отца и деда. Как-то отметить могилу побоялись, опасаясь поругания, так как красные оставались в селе. Потом поставили простой деревянный крест без надписей. Когда в Каменку прислали нового священника, он отпел уже погребенного невинно убиенного протоиерея Михаила¹⁶.

Сына Мишу искали и мертвым, и живым. Мать облазила все близлежащие овраги, но не нашла. Делать официальные запросы боялись, пользовались слухами. Ведь из «бандитской» Каменки не раз красные уводили мужчин. Многие сельские женщины искали своих, но лишь некоторые находили. Кто-то сказал, что Михаила якобы увезли в Тамбов вместе с односельчанами, обвиняемыми в пособничестве мятежникам. Другие говорили, что он сидел в Тамбове то ли в ЧК на территории Казанского монастыря, то ли в тюрьме. Был слух, что вместе с односельчанами его расстреляли в Тамбове, но мать почему-то больше поверила слуху, что ее сосланный в Сибирь Миша умер от тифа в Омске. Поминала как убиенного¹⁷.

Прихожане Каменки, сохраняя добрую память о своем пастыре, не оставили его вдову. Матушка оставалась жить в своем доме и, как могла, хозяйствовала, ей помогали. В начале коллективизации крестьяне тайком предупредили: «Матушка Евгения, уезжай, заберут». Помогли собраться и переехать в Тамбов, где было легче затеряться. Иногда бывшая батрачка навещала ее, привозила деревенские продукты. А в голодном 1933 году, узнав, что матушка в Тамбове пухнет с голода, каменские крестьянки позвали ее на лето с внуком-подростком кормиться. За стол сажали по очереди «по дворам», как кормят пастухов. Бывшие батрак с батрачкой утверждали в сельсовете, что это их родственники приехали. Дорогого стоил тот хлеб голодного года. Не будь его, не выжили бы в городе на одной зарплате бухгалтера и карточках трое взрослых и двое мальчишек. А так все остались живы¹⁸.

¹⁶ Воспоминания В.М. Орловой.

¹⁷ Воспоминания В.М. Орловой и Л.М. Шмелевой.

¹⁸ Воспоминания Д.Д. Орлова.

Матушка Евгения оставалась тверда в вере. В Тамбове, несмотря на протесты младшего внука-пионера, повесила иконы. Она привезла уцелевшие духовные книги мужа и перечитывала их. Ходила в храм, пока тот был открыт. Правда, боясь за семью дочери, образа повесила не в красном углу, а над дверью спальни. Когда учительница приходила проверять, исполняет ли пионер Шурик свой долг и победил ли верующую старуху, то, заглянув в дверь, не заметила их. От страха семилетнему мальчику было плохо¹⁹.

Евгения Васильевна Молчанова умерла в январе 1936 года от пневмонии. Дочери похоронили ее на Петропавловском кладбище недалеко от больших лип у храма. Поставили деревянный крест. Но когда родные пришли на могилу после весенней распутицы, то оказалось, что этот участок буквально перерыт и появилось очень много новых захоронений. Все они были безымянными и без крестов. Исчезли кресты и с зимних могил. Не исключено, что это похоронили расстрелянных политзаключенных (ходили такие слухи). Могилу матушки Евгении дочери узнать не смогли. До конца дней своих они страдали из-за этого. На Пасху носили крашеные яйца просто примерно на то место и клали под старые липы. Такая посмертная судьба вдовы, тайно схоронившей мужа-священника, и матери, потерявшей младшего сына (до расстрела старшего она не дожила), по-своему символична.

В 1924 году убили мужа средней сестры Ларисы. После национализации имения и конезавода его оставили в них управляющим. Вдова не смогла выяснить, было ли убийство уголовным грабежом конторы, где он находился, местью или имело политическую окраску.

Репрессии настигли и других детей убиенного протоиерея Михаила. В 1929 году расстреляли мужа старшей из сестер Елизаветы Михайловны протоиерея Павла Петровича Дмитриевского, служившего в соборной церкви города Спасска, переименованного большевиками в Беднодемьяновск.

В 1930-е годы церковь в Каменке использовалась как зернохранилище. Были разрушены купола, прорублены ворота. Исчезли даже следы могил в бывшей церковной ограде. В войну

¹⁹ Воспоминания В.М. Орловой и Д.Д. Орлова.

сельчане разобрали на дрова дом священника и срубили его сад. Их нельзя за это винить, так как в селе оставались одни женщины, которым надо было хоть чем-то согреть своих детей, а кругом простиралась безлесная степь. После войны оскверненный храм переделали в клуб.

В черном для сестер 1937 году расстреляли их брата Николая. Попад в Красную Армию по мобилизации, он к середине 1930-х годов смог подняться до должности начальника мобилизационного отдела военного округа и служил в Ростове. Его обвинили в знакомстве с Тухачевским, скрытом «чуждом происхождения», арестовали, пытали, судили. Приговор был – 10 лет без права переписки, что означало расстрел. Для сестер и их семей наступили времена постоянного страха.

Жене Николая Марии Павловне дали 10 лет лагерей. Отягчающим обстоятельством сочли и ее происхождение – дочь священника. Друг Николая, рискуя, предупредил, что идут с обыском, и Мария Павловна совершила поступок, который можно назвать подвигом во спасение семьи. Она успела сжечь все письма и фотографии сестер мужа. НКВД тогда глубоко не копало. Аресты шли массово, искать родных в другой области, с другим фамилиями никто не стал. Но ведь Вера, Лиза и Лариса тогда знали об аресте брата (передали его друзья), но не знали, ищут ли их.

Только после своей реабилитации в 1956 году Мария Павловна восстановила связь с Тамбовом, потом в 1959-м добилась посмертной реабилитации мужа. В первой справке было написано, что Н.М. Молчанов умер от пневмонии в лагере в 1943 году. Она не поверила, добивалась правды. Позже ей выдали справку о расстреле мужа в 1937-м в Ростове-на-Дону. Вдове выплатили какую-то денежную компенсацию за утраченное имущество. На все деньги она заказала частному ювелиру массивный золотой православный крест на цепочке, который всегда носила как нательный. Она открыто говорила, что верит в Бога, ходила в церковь, молилась. На просьбы родных вести себя осторожнее (в СССР шла очередная волна гонений на Церковь), отвечала, что ей после лагеря нечего бояться. Там в Великую Отечественную войну ее, сорокалетнюю горожанку, заставили объезжать полудиких монгольских лошадей. Лагерное начальство

думало, что на конезаводе гордячка умрет или под копытами, или от издевательств мужчин. Но заметив, что женщина истово молится, цыган-уголовник не велел трогать политическую. Чтобы выжить, она научилась укрощать степных лошадок не хуже, чем это делали молодые мужчины казачьих и цыганских кровей, отбывавшие заключение по уголовным статьям. Бог хранил ее²⁰.

Средняя дочь Михаила Михайловича Лариса выжила, как она говорила, отцовскими молитвами, в Ленинградскую блокаду. Она теряла продуктовые карточки, бывала под бомбежкой. При эвакуации по Ладожскому озеру под лед ушел соседний грузовик с людьми, в эвакуационном поезде на Алтай она обморозила ноги, но осталась жива и прожила еще 30 лет. В душе Лариса Михайловна хранила Веру. Она оказалась смелее сестер в сохранении священных реликвий. Несмотря на превратности судьбы, она сберегла свой крестильный крестик, иконы, которыми ее благословили на брак, пояс от подвенечного платья и венчальные ажурные чулочки, кипарисовый образок Сергия Радонежского, свой выпускной альбом Тамбовского епархиального училища, фото церкви в Каменке и маленькую фотографию отца. В 1935–1942 годы она работала машинисткой в редакции одной из ленинградских газет. Свое происхождение в анкетах она скрывала²¹. Донос об этом, как и о хранении любой из ее реликвий, мог привести в лагерь.

Младшей дочери отца Михаила Молчанова Вере приходилось нелегко, но она не роптала. Ей довелось в 1920-е таскать мешки на мельнице Егорова в Тамбове, так как бывшую епархиалку не брали на работу ни в одно советское учреждение. Запретили работать даже ночной няней в детдоме, потому что она рассказывала детям сказки и напевала не советские песни. А советская педагогика тогда боролась со сказками.

Только перед самой войной Вере Михайловне удалось, скрыв происхождение, поступить в пединститут секретарем заочного отделения. Когда началась война, сотрудников пединститута стали посылать на полевые работы в колхоз. Коллеги считали ее крестьянской дочерью, так как уж больно ловко, двумя руками

²⁰ Воспоминания М.П. Молчановой. 1981.

²¹ Воспоминания Л.М. Шмелевой. 1975.

секретарь заочного отделения полола сорняки. А она молчала, что выучилась этому искусству с детства, в огороде сельского батюшки. Потом Вере Михайловне сказали, что надо вступить в партию. Она отказалась, так как не мыслила себя членом безбожной организации. Но вслух сказала, что пока не готова.

Тогда ее мобилизовали на железную дорогу. С осени 1941 до осени 1945 года она была старшим кондуктором военных эшелонов. Была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Бомбежки поездов помнила всю оставшуюся жизнь. Молодые солдаты тянулись к доброй пожилой железнодорожнице как к матери, а взрослые – как к сестре. Она, по сути, выслушивала их исповеди, у кого-то – последние в жизни. Ведь эшелоны везли их на фронт. Потерявший в Сталинграде всю семью немолодой солдат в 1943 году отдал ей на память свое серебряное обручальное кольцо. Сказал, чтоб вспоминала, а, если надо, то продала бы колечко и накормила младшего сына-подростка. Она спросила его имя, а он ответил: «Самое неубиваемое на Руси – Иван»²². До своей смерти Вера Михайловна поминала солдата как живого, а кольцо, несмотря на нужду, сберегла и потом передала внучке – еще девочке, чтобы не забывала про Сталинград. После смерти матери родительские иконы и духовные книги Вера Михайловна спрятала. Когда архиепископ Лука открыл Покровский храм в Тамбове, то она отнесла их туда. В доме над комодом, как охранная грамота, висел портрет Сталина, на который с другого портрета на противоположной стене как бы смотрел погубленный безбожной властью восемнадцатилетний любимый брат Миша.

Бабушка Вера считала себя счастливее всех родных. Хлопоча по дому, она всегда пела. Ее сын невредимый вернулся с войны – единственный из всех его многочисленных довоенных друзей. Ее любимый и ненаглядный муж умер своей смертью. Она овдовела в 58 лет, по сравнению с давно вдовыми сестрами – старухой (Лиза стала вдовой в 40 лет, Лариса в 30), бабушкой трех внучат. В ее душе жила Вера в Бога. Она просто замирала, когда в художественных фильмах мелькал кусочек службы, священник или интерьер действующего храма.

²² Воспоминания В.М. Орловой. 1973.

А потом рассказывала родным, как любила петь на клиросе. Она непременно отмечала все церковные праздники и дни памяти родных.

Боясь, что с годами может ослабеть ее разум и с ней уйдет память об именах, крови и душевных муках ее православной семьи, понимая, что без слов фотографии и вещи немые, она доверилась еще глупенькой младшей внучке. Много раз, не думая о том, не страшно ли десятилетней девочке, она повторяла свои рассказы, показывала фотографии родных и знакомых. Ее не волновало, как все это соотносится в детской голове с тем, что говорят в школе. Она даже не слишком строго предупреждала, что об этом нельзя говорить чужим. Это было ее сознательное поминальное служение по всем, кто был дорог ее сердцу. Оно продолжалось 20 лет. Из всей семьи Молчановых только она дожила до возрождения Православия в нашей стране. В 1988 году, узнав об участии в Москве и Тамбове советских и партийных властей в торжествах в честь 1000-летия Крещения Руси, Вера Михайловна горько заплакала и отчаянно закричала: «За что убили папу и Мишку?». Вскоре после этого она надписала имена около фотографий родных в альбоме, как бы окончательно раскрывая хранимую в сердце тайну. Ее долг памяти был завершен²³.

Всевышний послал любимой дочери убиенного протоиерея Михаила Молчанова легкую смерть на девяностом году жизни. Она скончалась скоропостижно от безболевого инфаркта дома, на руках сына и любимой внучки. Врач со «Скорой помощи» выразил родным соболезнование и сказал: «Просто чудо. Безболевой инфаркт бывает один на тысячу!»²⁴. Никто из горюющих родных тогда не задумался, по чьим молитвам ей было послано избавление от смертных мук.

Подведем итог. Политические репрессии прокатились по семье протоиерея Михаила Молчанова тремя волнами. В начале 1920-х их жертвами пали отец-священник и младший сын-семинарист, лишился рассудка маленький внук. В конце 1920-х годов был расстрелян зять-священник и лишена прав его вдова. В 1937 году расстреляли старшего сына и отправили в лагерь

²³ Воспоминания В.Д. Орловой.

²⁴ Там же.

его жену. Чудом избежала ареста за скрытое «чуждое происхождение» в 1943 году старшая внучка. Это непосредственные жертвы «красного колеса». Остальные члены большой семьи – косвенные жертвы. Они достойно выдержали многолетнюю пытку страхом и осознанием своей тайной вины перед политическим режимом за принадлежность их предков к духовному сословию.